(1) Я изъездил почти всю страну, видел много мест, удивительных и сжимающих сердце, но ни одно из них не обладало такой внезапной лирической силой, как Михайловское.

(2) Летний праздник бывает в Михайловском каждый год в день рождения Пушкина. (3) Сотни колхозных телег, украшенных лентами и валдайскими бубенцами, съезжаются на луг за Соротью, против пушкинского парка.

(4) Все местные колхозники гордятся земляком Пушкиным и берегут заповедник, как свои огороды и поля.

(5) В Тригорском парке я несколько раз встречал высокого человека. (6) Он бродил по глухим дорожкам, останавливался среди кустов и долго рассматривал листья. (7) Иногда срывал стебель травы и изучал его через маленькое увеличительное стекло.

(8) Как-то около пруда меня застал крупный дождь. (9) Я спрятался под липой, и туда же не спеша пришёл высокий человек. (10) Мы разговорились. (11) Человек этот оказался учителем географии из Череповца.

— (12) Вы, должно быть, не только географ, но и ботаник? — сказал я ему. — (12) Я видел, как вы рассматривали растения.

(14) Высокий человек усмехнулся.

— (15) Нет, я просто люблю искать в окружающем что-нибудь новое. (16) Здесь я уже третье лето, но не знаю и малой доли того, что можно узнать об этих местах.

(17) Второй раз мы встретились на берегу озера Маленец, у подножия лесистого холма. (18) Высокий человек лежал в траве и рассматривал сквозь увеличительное стекло голубое перо сойки. (19) Я сел рядом с ним, и он рассказал мне историю своей привязанности к Михайловскому.

— (20) Мой отец служил бухгалтером в больнице в Вологде. (21) В общем, был жалкий старик — пьяница и хвастун. (22) Даже во время самой отчаянной нужды он носил застиранную крахмальную манишку, гордился своим происхождением. (23) Нас было шестеро детей. (24) Жили мы все в одной комнате, в грязи и беспорядке. (25) Когда отец выпивал, он начинал читать стихи Пушкина и рыдать. (26) Слёзы капали на его крахмальную манишку, он мял её, рвал на себе и кричал, что Пушкин — это единственный луч солнца в жизни таких несчастных нищих, как мы. (27) Он не помнил ни одного пушкинского стихотворения до конца. (28) Он только начинал читать, но ни разу не окончил. (29) Это меня злило, хотя мне было тогда всего восемь лет. (30) Я решил прочесть пушкинские стихи до конца и пошёл в городскую библиотеку. (31) Я долго стоял у дверей, пока библиотекарша не окликнула меня и не спросила, что мне нужно.

— (32) Пушкина, — сказал я грубо.

— (33) Ты хочешь сказки? — спросила она.

— (34) Нет, не сказки, а Пушкина, — повторил я упрямо.

(35) Она дала мне толстый том. (36) Я сел в углу окна, раскрыл книгу и заплакал. (37) Я заплакал потому, что только сейчас, открыв книгу, я понял, что не могу прочесть её, что я совсем ещё не умею читать и что за этими строчками прячется заманчивый мир, о котором рыдал пьяный отец. (38) Со слов отца я знал тогда наизусть всего две пушкинские строчки: «Я вижу берег отдалённый, земли полуденной волшебные края», но этого для меня было довольно, чтобы представить себе иную жизнь, чем наша. (39) Вообразите себе человека, который десятки лет сидел в одиночке. (40) Наконец ему устроили побег, достали ключи от тюремных ворот, и вот он, подойдя к воротам, за которыми свобода, и люди, и леса, и реки, вдруг убеждается, что не знает, как этим ключом открыть замок. (41) Громадный мир шумит всего в сантиметре за железными листами двери, но нужно знать пустяковый секрет, чтобы открыть замок, а секрет этот беглецу неизвестен. (42) Он слышит тревогу за своей спиной, знает, что его сейчас схватят и что до смерти будет то же, что было: грязное окно под потолком камеры и отчаяние. (43) Вот примерно то же самое пережил я над томом Пушкина.

(44) С тех пор я полюбил Пушкина. (45) Вот уже третий год приезжаю в Михайловское...

(46) На вершине холма, у обветшалых стен собора, над крутым обрывом, в тени лип, на земле, засыпанной пожелтевшими лепестками, белеет могила Пушкина.

(47) Короткая надпись «Александр Сергеевич Пушкин», безлюдье, стук телег внизу под косогором и облака, задумавшиеся в невысоком небе, — это всё. (48) Здесь конец блистательной, взволнованной и гениальной жизни. (49) Здесь тот «милый предел», о котором Пушкин говорил ещё при жизни.

(50) И здесь, на этой простой могиле, куда долетают хриплые крики петухов, становится особенно ясно, что Пушкин был первым народным поэтом.

(По К. Г. Паустовскому)